ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВЫСШЕГО ЦЕРКОВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРАВОСЛАВНОЙ РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ в 1921–1922 гг.

Д.В. Сафонов

С восстановлением Патриаршества Собором 1917–1918 гг. были созданы и новые органы высшего церковного управления — Священный Синод, Высший Церковный Совет (ВЦС) и их соединенное присутствие. В определении Собора от 7 декабря 1917 г., которое называется «О Священном Синоде и Высшем Церковном Совете», говорится, что церковными делами управляет Патриарх «совместно со Священным Синодом и Высшим Церковным Советом»[1], а также о подотчетности органов центрального церковного управления Поместному Собору. Председательствует в Синоде, в Высшем Церковном Совете, а равно в их соединенном присутствии, Святейший Патриарх, в случае его отсутствия или болезни — старейший из членов Синода.

Согласно положению «О Священном Синоде, о Высшем Церковном Совете», «...управление церковными делами принадлежит Всероссийскому Патриарху совместно со Священным Синодом и Высшим Церковным Советом». Собор постановил, что Патриарх является первым между равными ему епископами и что он вместе с органами церковного управления подотчетен Собору. Патриарх получал право высшего начальственного наблюдения за всеми центральными учреждениями при Священном Синоде и Высшем Церковном Совете, за правильным течением дел в них и за исполнением постановлений Синода и Совета. Как видно, Патриарх должен был принимать решения совместно с коллегиальными органами — Священным Синодом и ВЦС[2].

Священный Синод состоял из председателя-Патриарха, которого мог заменить старейший архиерей, и двенадцати членов: Киевского митрополита как постоянного члена Синода, шести иерархов, избираемых Поместным Собором на три года, и пяти иерархов, вызываемых по очереди на один год. Архиереи вызываются в Священный Синод из епархий, разделенных для этого на пять групп: 1) Северо-Западная, 2) Юго-Западная, 3) Центральная, 4) Восточная и 5) Сибирская с заграничными миссиями. В состав Высшего Церковного Совета входили Патриарх-председатель и пятнадцать членов: по избранию Священного Синода — три иерарха из его состава; по избранию Всероссийского Поместного Собора — один монах из монастырских иноков, пять клириков и шесть мирян; клирики, монашествующие и миряне, избирались на междусоборный срок (три года)[3]. Как точно отметил Г. Шульц, соединенное присутствие ВЦУ — это «...непрерывно действующий малый Собор, председателем которого является Патриарх»[4].

На Священный Синод возлагались дела внутрицерковного характера, вопросы вероучения, богослужения, церковного просвещения, церковного управления и церковной дисциплины. Это, в частности: рассмотрение отчетов о состоянии епархий, утверждение избранных на епархии архиереев в должности и увольнение на покой; распоряжения по вызову архиереев для присутствия в Священном Синоде, назначение настоятелей и настоятельниц монастырей (в том числе и ставропигиальных); утверждение новых монастырей, общее руководство и высший надзор за монастырями и монашествующими.

Ведению Высшего Церковного Совета подлежали дела церковно-общественного порядка, второстепенные церковно-административные дела, дела

---

[1] См.: Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Русской Церкви: 1917–1918 гг. (далее: Собрание определений и постановлений Священного Собора...) Вып. 1. М., 1994. С. 7

[2] Собрание определений и постановлений Священного Собора... Вып. 1. С. 10.

[3] См.: *Цыпин В., прот.* Высший Церковный Совет // Православная энциклопедия (далее — ПЭ). Т. X. М., 2005. С. 110.

[4] *Шульц Г.* Поместный Собор 1917–1918 гг.: результаты работы и значение // 1917-й: Церковь и судьбы России. М., 2008. С. 179.

церковного хозяйства; школьно-просветительные дела; дела ревизии и контроля. В вопросах церковной администрации ведению Совета подлежали в основном дела, касающиеся назначения в органы церковного управления мирян, назначение же лиц духовного сана принадлежало Синоду. Совету определялось разрешать общественные сборы и учреждать церковно-археологические общества. В части церковного хозяйства Совет входил в распоряжение общецерковным имуществом и капиталом, обложением на общецерковные нужды, дела, касающиеся благотворительности и разного рода финансово-экономических вопросов.

Ведению соединенного присутствия подлежали дела смешанного характера или особо важные. В Положении говорилось, что это «всякое дело, которое Патриарх, Священный Синод или Высший Церковный Совет признают нужным перенести на соединенное заседание, ввиду его важности или придания большей авторитетности церковному решению». Соединенное присутствие под председательством Патриарха — главный орган церковного управления в межсоборный период.

В феврале 1918 г. власти нового пролетарского государства изъяли синодальное здание на Сенатской площади в Петрограде, и с 16 февраля 1918 г. новые органы высшего церковного управления начали свои заседания в Москве, на Троицком подворье, и разместили здесь свои учреждения; здесь же Патриарх Тихон принимал посетителей.

23 декабря 1919 г. было принято решение о домашнем аресте Патриарха, который по этой причине перестал председательствовать в Синоде. Согласно Положению Поместного Собора, в подобном случае председательство на себя брал старейший по хиротонии архиерей в Синоде, которым тогда, в условиях ареста митрополитов Арсения и Кирилла, оказался митрополит Сергий (Страгородский). По данным секретаря патриаршей канцелярии Н. Нумерова, он прибыл в Москву, где и стал проживать постоянно, участвуя в работе Синода. До этого он жил во Владимире и редко принимал участие в заседаниях[5].

Выбывшие члены Синода заменялись другими. Так, в связи с осожнениями в Церкви от работы в Синоде был отстранен митрополит Сергий. С 1920 г. важную роль стал играть архиепископ Владивостокский Евсевий (Никольский), возведенный 18 февраля 1920 г. в сан митрополита Крутицкого, управляющего Патриаршей областью. После митрополита Сергия функции председателя исполнял митрополит Евсевий[6]. Сокращалось число членов ВЦС.

В своей деятельности органы ВЦУ старались не вмешиваться в политику: по словам члена ВЦС прот. А. Станиславского, «...было принято за правило, что ни политических, ни контрреволюционных вопросов не обсуждать в заседаниях В.Ц.У.»[7].

К началу 1921 г. в состав Синода входили только три архиерея. В письме Патриарха Тихона от 5 февраля 1921 г. архиепископу Серафиму (Лукьянову) говорится: «Синод наш, вместо 13 [членов], состоит теперь из меня (да по условиям домашнего ареста я в заседаниях его не участвую), митрополита Евсевия Крутицкого (бывшего Владивостокского) и архиепископа Михаила Гродненского. В Высшем Церковном Совете, кроме сих, заседают епископ Алексий Боровский (от монашествующих), протопресвитер Любимов, протоиерей Станиславский и профессор Громогласов. Прочие — кто в бегстве, кто умер (кн. Трубецкой), кто в узах. К сим последним в последние дни причтен и брат наш Сергий [митрополит Сергий (Страгородский). — *Д.С.*] (кажется, по брачным делам восстал на него “супостат” Шпицберг)...»[8].

8 апреля 1921 г. архиепископ Волынский и Житомирский Евлогий (Георгиевский) утвержден управляющим всеми приходами РПЦ в странах Западной Европы. В постановлении, изданном «по благословению Святейшего Патриарха, Священный Синод и Высший Церковный Совет, в соединенном присутствии», говорилось: «...считать православные русские церкви в Западной Европе

---

[5] См.: *Нумеров Н.В.* Письмо митрополиту Антонию (Храповицкому) от 1 (14) сентября 1921 г. / публ. О.В. Косик, П.Н. Грюнберга // История иерархии Русской Православной Церкви: Комментированные списки иерархов (далее: История иерархии РПЦ...). М., 2006. С. 873.

[6] См.: *Никитин Д.Н.* Евсевий (Никольский) // ПЭ. Т. XVII. М., 2008. С. 271.

[7] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 316об.

[8] Цит. по: Русская православная церковь в советское время (1917–1991): Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / сост. Г. Штриккер. М., 1995. С. 66.

находящимися временно вплоть до возобновления правильных и беспрепятственных сношений означенных церквей с Петроградом под управлением Преосвященного Волынского Евлогия, имя которого и должно возноситься за богослужением в названных храмах взамен имени преосвященного митрополита Петроградского»[9].

В мае — июне 1921 г. был арестован митрополит Сергий (Страгородский). Как указано в анкете, находящейся в следственном деле митрополита Сергия 1926–1927 гг., он «...был арестован ВЧК за нарушение декрета об отделении церкви от государства», получив 2 года условно «с жительством в Нижнем»[10], где он имел полную свободу богослужения, живя в Крестовоздвиженском монастыре[11]. Очевидно одно: арест митрополита Сергия мог быть следствием неудачи в попытке вернуть сан Путяте, с которым власти связывали надежды на создание просоветской церкви.

На наличие противоречий между митрополитом Сергием и Патриархом по вопросу о полномочиях Патриарха и ВЦУ указывал бывший митрополит Евдоким (Мещерский)[12]. Говоря о деятельности Патриарха Тихона, Евдоким писал: «И эти столь ясные и непререкаемые постановления Собора 17–18 гг. были извращены до полной неузнаваемости. Один стал вместо всех и сейчас же началось разрушение всего церковного управления, церковь была потрясена до основания...старший член Синода м[итрополит] Сергий вынужден был часто ссориться из-за этого в синоде и иногда демонстративно даже оставлять заседания Синода»[13]. Митрополит Евдоким (Мещерский) писал: «Члены Свящ. Синода и Высшего Церковного Управления были избраны Собором 17–18 г. на три года. Их полномочия кончались 1 июня 1921 г. После этого срока никто не имел права более оставаться в Свящ. Синоде, так как он уже был членом Синода, за окончанием своих полномочий. А патриарх один не мог управлять церковью. Патриарху заявил об этом старший член Синода м[итрополит] Сергий, но патриарх отверг это заявление»[14]. Вероятно, несогласие Патриарха выразилось в том, что он назначал членов Синода из числа тех архиереев, которые не были избраны членами Синода или их заместителями Собором. Выше говорилось об участии в синодальном заседании 5 мая 1921 г. архиепископа Серафима, который был назначен в Синод после февраля 1921 г. Этот архиерей добивался возможности выехать в Варшаву, так как носил титул Варшавского, но «неожиданный арест»[15] не позволил осуществиться этому.

Н. Нумеров привел доводы митрополита, высказанные в декабре 1920 г.: «Мотив был тот: члены должны оставаться до Собора, а Собор предполагался в 1921 г., но теперь невозможно рассчитывать на созыв Собора, поэтому нельзя наличных членов оставлять в составе Синода до бесконечности. Надо, чтобы Патриарх избрал новых. Состав определен был для каждого учреждения в пять человек»[16]. В декабре 1920 г. состав ВЦУ был определен в десять человек, по пять для каждого органа.

Прот. А. Станиславский так описывал причины изменения состава ВЦУ: «Вследствие упразднения Советской властью многих церковных учреждений — учебных заведений, Центрального Комитета Свечного и Страхового, свечных заводов и типографий дел стало так мало, что нечем было и заниматься; изсякли и средства на содержание В.Ц. Управления, а потому в 1921 году из 24-х членов определенных Собором сократились до 10-ти, пять членов Синода и пять — Совета, да и те неаккуратно являлись на заседания»[17].

1 июня 1921 г., когда прекратил свое существование прежний состав органов ВЦУ, Патриарх назначил членов ВЦУ своим указом. Н.В. Нумеров писал: «Наступило 1 июня и Патриарх избрал тех же лиц. Синод составили: Евсевий, Арх[иепископ]

---

[9] Следственное дело Патриарха Тихона: Сб. док. по материалам ЦА ФСБ (далее — Следственное дело...). М., 2000. С. 680.

[10] ЦА ФСБ. Д. Р-31639 (Дело митрополита Сергия 1926–1927 гг.). Л. 56об.

[11] *Нумеров Н.В.* Указ. соч. // История иерархии РПЦ... С. 873.

[12] *Евдоким* (*Мещерский*), *митр.* Соборный разум или единовластие? // Христианин. 1924. Т. 1. № 2–3. С. 2.

[13] Там же. С. 2.

[14] Там же. С. 2–3.

[15] *Нумеров Н.В.* Указ. соч. // История иерархии РПЦ... С. 872.

[16] Там же. С. 871.

[17] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 316об.–317.

Михаил, ныне Митрополит, Митр[ополит] Сергий, и вызваны А[рхиепископ] Полоцкий Иннокентий из Сев. — Зап. Группы епархии, а от центральных — Е[пископ] Серафим Тверской»[18]. Таким образом, новый принцип формирования Синода включал трех постоянных его членов и двух временных представителей групп епархий.

Н.В. Нумеров указывал, что вскоре после назначения некоторые члены Синода покинули Москву: «Вскоре М[итрополит] Сергий был выслан в Нижний Новгород, его сменил освободившийся из тюрьмы А[рхиепископ] Никандр. М[итрополит] Михаил выехал в Киев. Еп[ископ] Серафим прибыл, но Архиеп[ископ] Иннокентий до сих пор не приехал в состав Синода»[19]. Таким образом, из нового состава Синода уже в июне выбыли: митрополит Сергий (Страгородский), который с июня 1921 г. был вынужден жить в Нижнем Новгороде, и архиепископ Гродненский Михаил (Ермаков), который в конце июня 1921 г. после возведения в сан митрополита был назначен экзархом Украины[20], куда и выехал. 28 августа в Киеве он возглавил первое заседание Священного Синода УПЦ.

Епископ Алексий (Симанский) указывал имена трех епископов, которых Патриарх назначил от церковных округов: епископа Уфимского Андрея (Ухтомского), архиепископа Полоцкого Иннокентия (Ястребова) и епископа Тверского Серафима (Александрова)[21]. Вскоре архиепископ Андрей был арестован и в Москву не поехал. По данным прот. А. Станиславского, архиепископ Иннокентий (Ястребов) не захотел ехать в Москву для участия в работе Синода[22]. Он также сообщает имена еще двоих архиереев, которые, будучи вызванными в Синод, не поехали в Москву: «Вовсе не пожелали приехать в Синод: Архиепископ Нижегородский Евдоким, Феофан — Епископ Калужский, Иннокентий Архиепископ Полоцкий и другие»[23]. Вызов в Синод архиепископа Евдокима, как будет показано ниже, относится в концу марта — началу апреля 1922 г.

Таким образом, в июле 1921 г. в состав Синода входили: митрополит Евсевий, архиепископ Никандр и епископ Серафим. Этот состав Синода сохранился до 18 января 1922 г.

Вместе с назначением нового состава Синода 1 июня 1921 г. Патриарх назначил ВЦС, куда вошли епископ Боровский Алексий (Житецкий), избранный заместителем члена ВЦС еще в 1917 г.[24], протопресв. Н.А. Любимов, прот. А.М. Станиславский, проф. И.М. Громогласов и проф. П.Д. Лапин[25]. Они избраны в ВЦС Собором. Протопресв. Н. Любимов, по его словам, из-за болезни не принимал участия в заседаниях ВЦС с сентября по январь 1922 г.[26] Проф. Казанской Духовной академии П.Д. Лапин, по словам Н.В. Нумерова, прибыл только к сентябрю 1921 г., а до этого «более года отсутствовал»[27]. Протопресв. Н.А. Любимов, прот. А.М. Станиславский, проф. И.М. Громогласов до сентября 1921 г. «непрерывно работали»[28] в ВЦС. Прот. А.М. Станиславский в 1923 г. писал Е.А. Тучкову: «Я считал безполезным дальнейшее существование Высш[его] Церк[овного] Упр[авления]. И даже однажды предлагал собранию самоупразднитьcя»[29].

С 1921 г. Патриарх значительно усилил свое влияние в органах ВЦУ, опираясь на лично преданных ему архиереев, таких как Евсевий (Никольский), ставший в 1920 г. наместником Патриаршей области митрополитом Крутицким, архиепископ Никандр (Феноменов). Помощь в управлении

---

[18] *Нумеров Н.В.* Указ. соч. // История иерархии РПЦ... С. 871.

[19] Там же.

[20] См. приводимые Церковным научным центром (далее — ЦНЦ) ПЭ о нем данные: Лубенский раскол и «иоанникиевщина» в документах Патриаршей канцелярии // Вестник церковной истории. 2008. № 1(9). С. 78.

[21] Письма Патриарха Алексия своему духовнику. М., 2000. С. 243.

[22] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 317.

[23] Там же.

[24] *Цыпин В., прот.* Высший Церковный Совет // ПЭ. Т. X. С. 110.

[25] *Нумеров Н.В.* Указ. соч. // История иерархии РПЦ... С. 871.

[26] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 29. Л. 166.

[27] *Нумеров Н.В.* Указ. соч. // История иерархии РПЦ... С. 871.

[28] Там же.

[29] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 317.

Московской епархией Патриарху оказывали рукоположенные в 1920 г. епископы Петр (Полянский) и Иларион (Троицкий).

Кадровый состав сотрудников канцелярии ВЦУ дает Н.В. Нумеров: «Канцелярию составляют Н.В. Гурьев, как управляющий, делопроизводители: Б.Н. Самуилов, Н.В. Нумеров, и М.М. Гребинский. Бухгалтер Г.И. Верижский... Секретарем у Патр[иа]рха продолжает оставаться А[рхимандрит] Неофит»[30].

С 1 июня 1921 г. произошла фактическая смена модели высшего церковного управления: коллегиальная форма управления сменилась на патриархоцентричную, когда именно Патриарх назначает членов Синода и ВЦС, став значительно более самостоятельным в принятии решений.

Возглавлял заседания Синода и объединенного присутствия Митрополит Евсевий; Патриарх Тихон в ходе допроса 25 января 1923 г. назвал его «старший митрополит Евсевий»[31].

Н.В. Нумеров сообщал о работе органов ВЦУ: «Заседания бывают в большинстве случаев раз в неделю, обычно начинается соединенное и затем Синод отдельно. Совет отдельно не заседал за отсутствием дел. Помещается Высшее Ц[ерковное] Управление в Троицком подворье, в помещении эконома: три комнаты. Здесь же бывают и заседания»[32]. По словам прот. А. Станиславского, «спаянности между Синодом и Советом я лично не замечал никакой, о дружеских отношениях и речи быть не могло, мы были знакомы только на тех редких заседаниях, какие у нас бывали в неделю раз, а часто и реже»[33]. Швейцар подворья С. Семенов о заседаниях ВЦУ говорил: «Заседание Синода бывают совместно с высшим церковным советом в неделю раз, в разные дни, на коих Патриарх Тихон не присутствует»[34]. По свидетельству эконома Троицкого подворья архимандрита Родиона (Федорова), Патриарх Тихон в заседаниях Синода участия не принимал[35]. Помощник секретаря Патриарха Д.И. Касьянов на вопрос о регулярности синодальных заседаний ответил: «Неопределенно — 1–2 раза в неделю, а то и в две недели раз»[36].

Можно полагать, что и в дальнейшем до мая 1922 г. порядок заседаний ВЦУ сохранился прежний: сначала соединенное присутствие, потом, в некоторых случаях, заседание Синода. Председательствующий в Синоде затем докладывал решения на утверждение Патриарха. Вопросы на рассмотрение ВЦУ направлял также Патриарх.

26 ноября 1921 г. уполномоченный Секретного отдела Московской ЧК Михаил Шмелев составил список лиц, входящих в состав Священного Синода и Московского епархиального управления, которые должны были быть арестованы[37]. Его предложение не получило поддержки у руководства ОГПУ.

18 января 1922 г. умер ближайший помощник Патриарха митрополит Евсевий (Никольский), управлявший Патриаршей областью, а именно Москвой и Московской губернией. Он возглавлял заседания Священного Синода. По данным, находящимся в следственном деле Патриарха Тихона, митрополит отравился рыбой на одном из приходских обедов[38]. В Москве затем ходили упорные слухи о сознательном отравлении митрополита Евсевия, который в условиях домашнего ареста Патриарха выполнял по поручению последнего значительный объем обязанностей по управлению Церковью и возглавлял Синод.

На его место рассматривалось несколько кандидатов. Одним из них был епископ Иларион (Троицкий). В итоге же был назначен архиепископ Никандр (Феноменов), он получил титул Крутицкий, став Патриаршим наместником. Его назначение,

---

[30] *Нумеров Н.В.* Указ. соч. // История иерархии РПЦ... С. 871–872.

[31] Следственное дело... С. 198.

[32] *Нумеров Н.В.* Указ. соч. // История иерархии РПЦ... С. 871–872.

[33] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 316об.

[34] Троицкое подворье при Святейшем Патриархе Тихоне / публ., вступ. статья и коммент. Н.А. Кривошеевой // Вестник ПСТГУ. Вып. II: 2 (19). 2006. С. 286.

[35] Троицкое подворье при Святейшем Патриархе Тихоне // Вестник ПСТГУ. Вып. II: 2 (19). 2006. С. 277.

[36] Там же. С. 266.

[37] Документ упомянут: *Покровский Н.Н.* Предисловие // Архивы Кремля: Политбюро и Церковь 1922–1925 гг.: в 2 кн. (далее: Архивы Кремля...). Кн. 1. М., 1997. С. 44 (ссылка на: ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 363. Л. 8–9об.).

[38] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 234.

по данным, полученным в ходе следствия по делу митрополита Петра в 1926 г., было результатом совета А.Д. Самарина.

Согласно показаниям епископа Серафима (Александрова), данным 20 июня 1922 г., и содержащимся в следственном деле Патриарха Тихона, архиепископ Варшавский Серафим (Чичагов), освобожденный 16 января 1922 г. из Таганской тюрьмы[39], на 12-й день после смерти митрополита Евсевия, т.е. около 30 января, пришел на Троицкое подворье и узнал, что на Крутицкую кафедру назначен не он, а архиепископ Никандр. Придя на заседание Синода, он выразил недовольство назначением на эту кафедру другого архиерея в обход его кандидатуры. По данным источника, «после обмена мнений высшей иерархии ему был пожалован титул Митрополита, а потом и председателя Синода»[40]. Архиепископ Никандр возглавлял заседания Синода до своего ареста, а после ареста, т.е. с 23 марта, его место занял митрополит Серафим. В зале заседаний находились: Патриарх Тихон, архиепископ Никандр, епископ Серафим (Александров), прот. А. Станиславский, а также В.П. Гурьев и председатель Московского Епархиального Совета прот. Виктор Кедров. Таким образом, Синод на этот момент составляли архиепископ Никандр и епископ Серафим, который вскоре, вероятно, в феврале 1922 г., стал архиепископом.

Не стоит недооценивать влияния членов этого Синода, в частности, архиепископа Никандра, на решения, принимавшиеся Патриархом. Митрополит Никандр считается основным составителем послания Патриарха от 28 февраля 1922 г., направленного против изъятия священных предметов[41]. Прот. Илия Громогласов рассказал во время допроса в марте 1923 г., что послание Патриарха в ВЦУ не обсуждалось[42]. Прот. А. Станиславский подтвердил, что это послание не было рассмотрено ВЦУ, вопреки обычаю, согласно которому Патриарх представлял проекты всех своих посланий «в соединенном собрании к сведению»[43]. При этом он подчеркивал, что Патриарх не имел права выпускать послание без согласия ВЦУ: «По постановлению Всероссийского собора, Патриарх является ограниченным Синодом и Высшим Церковным Советом, а потому такой важности дело как послание последнее непременно должно было быть обсуждено на общем собрании»[44].

Распространение послания демонстрирует механизм реализации решений Патриарха и его неформального Синода в этот период. Послание Патриарха, размноженное управляющим канцелярией Синода и ВЦС П.В. Гурьевым[45], доставлялось в епархии с помощью доверенных лиц. Так, Смоленскому и Витебскому архиереям послание Патриарха доставил проф. А.И. Успенский[46]. Одновременно с посланием Патриарха, 28 февраля, архиепископом Никандром (Феноменовым) был составлен образец обращения верующих во ВЦИК[47], который был разослан вместе с воззванием Патриарха для сбора подписей верующих. Канцелярии правящих архиереев распространяли воззвание Патриарха среди благочинных, как это было в Ярославской епархии[48].

Стремясь провести изъятие ценностей, власти поставили задачу ликвидации органов ВЦУ. На совещании в ГПУ 8 марта 1922 г. отмечалось: «...аппарат духовенства, возглавляемый Тихоном,

---

[39] *Дамаскин* (*Орловский*), *иером.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX века: жизнеописания и материалы к ним (далее: Мученики, исповедники и подвижники благочестия РПЦ XX века...). Кн. 2. Тверь, 1996. С. 437.

[40] ЦА ФСБ. Д. 1780. Т. 4. Л. 263.

[41] См.: Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 г.: Сб. документов из фонда Реввоенсовета Республики (далее: Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 г. ...). М., 2006. С. 156–157.

[42] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 29. Л. 136.

[43] Там же. Л. 141.

[44] Там же. Л. 141–142.

[45] См.: Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 г. ... С. 198.

[46] См. там же. С. 310.

[47] См.: Следственное дело... С. 115–116.

[48] См.: Ради мира церковного: Жизненный путь и архипастырское служение святителя Агафангела, митрополита Ярославского и Ростовского, исповедника: в 2 кн. (далее: Ради мира церковного...). Кн. 1. М., 2005. С. 191.

разворачивает все шире и шире свою работу»[49]. По данным ГПУ, «Синод заседает ежедневно»[50].

21 марта в Политбюро ЦК РКП (б) была подана написанная днем ранее докладная записка ГПУ «о деятельности духовенства в связи с изъятием ценностей из церквей». В документе был обозначен круг представителей церковного руководства, которые «...ведут определенную контрреволюционную и ничем не прикрытую работу против изъятия церковных ценностей». Помимо Патриарха Тихона, сюда входили протоиереи Илия Громогласов и Александр Хотовицкий, митрополит Никандр (Феноменов), архиепископ Серафим (Чичагов), а также профессор П.Д. Лапин[51]. По данным ГПУ, их работа выражалась в «личном инструктировании приезжающих с мест известных им церковников против изъятия церковных ценностей», а также в «посылке на места директив с призывами воспрепятствовать сбору церковных ценностей... ГПУ находит: 1) что арест синода и патриарха сейчас своевременно» [52].

В деле Патриарха Тихона имеется «Список лиц, подлежащих изъятию по 6-му отделению», куда входили члены Синода и ВЦС: архиепископ Никандр (Феноменов), член ВЦС священник Илия Громогласов, протоиерей Александр Хотовицкий, член ВЦС протопресвитер Николай Любимов[53]. Все они были арестованы в ночь с 22 на 23 марта 1922 г. Был также арестован епископ Иларион (Троицкий), но он не входил в состав Синода, 27 марта был арестован протоиерей Александр Хотовицкий.

После ареста архиепископа Никандра управляющим Московской епархией был назначен епископ Николай (Добронравов). Об этом свидетельствовал насельник Троицкого подворья архимандрит Иоанникий (Дмитриев) в мае 1922 г. на следствии: «На патриаршем дворе живем третий год. Состою при управляющем Моск[овской] епархией Николае, до этого состоял келейником у Никандра и Евсевия»[54]. В сентябре 1921 г. Н.В. Нумеров сообщал об этом архиерее: «Е[пископ] Звенигородский Николай ...говорят, когда-то говорил, что никогда не будет монахом, а теперь приобщился к лику оных. Кафедру имеет в малом Успенском соборе в Крутицах»[55].

Архиепископ Евдоким (Мещерский) не без содействия ГПУ в марте 1922 г. прибыл в Москву и встретился с Патриархом. Сохранилась шифротелеграмма начальника Секретного отдела ГПУ Т.П. Самсонова, направленная в марте 1922 г. в нижегородский отдел ГПУ с требованием немедленного приезда в Москву архиепископа Евдокима[56].

Он сам так описывал свой визит к Патриарху: «24 марта я специально приезжал из Нижнего к патриарху. В $4^1/_2$ дня был принят им. Я заявил ему: “Для спасения высшего церковного управления нужно немедленно восстановить Свящ. Синод и Высший Церковный Совет в составе или 24 или 12 членов. Я ручаюсь, что все будет улажено и церковная жизнь пойдет нормально”. Патриарх мне отвечал: “Синода не нужно, так как у нас нет никаких дел, за исключением наградных. Мы пользуемся проезжающими через Москву архиереями”. Я так был поражен ответом, что ни слова не возражал патриарху»[57].

Разумеется, Патриарх понимал, что у ВЦУ есть дела и помимо наградных. Но понимал он и то, что Евдоким послан властями для того, чтобы добиться передачи патриаршей власти новому Синоду.

Из числа членов ВЦУ на свободе оставались митрополит Серафим и ставший в 1922 г. архиепископом Серафим (Александров), а также член ВЦС протопресвитер Николай Любимов. Несмотря на арест ряда членов Синода и ВЦС, органы ВЦУ продолжали функционировать. Прибывший на

[49] Архивы Кремля... Кн. 1. С. 115–116.

[50] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 259.

[51] Архивы Кремля. Кн. 1. С. 141.

[52] Там же. С. 150.

[53] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 260; Новые материалы о преследованиях за веру в советской России / сост. И.И. Осипова // Церковно-исторический вестник. 1999. № 2–3. С. 166.

[54] Троицкое подворье при Святейшем Патриархе Тихоне // Вестник ПСТГУ. Вып. II: 2 (19). 2006. С. 278.

[55] *Нумеров Н.В.* Указ. соч. // История иерархии РПЦ... С. 875.

[56] ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 60. Л. 524.

[57] *Евдоким* (*Мещерский*), *митр.* Соборный разум или единовластие? С. 3.

Троицкое подворье новый келейник Патриарха, заменивший временно Я. Полозова, Илия Ладыгин говорил на допросе, что заседания Синода носили закрытый характер: «Собрания бывают при закрытых дверях»[58]. То же показал архимандрит Анемподист: «Собрания бывают у П[атриарха] Т[ихона] и синода при закрытых дверях»[59]. Эконом подворья архимандрит Родион сказал следователю: «Тихон в заседаниях Синода и совещаниях не участвует»[60].

Живший на подворье помощник секретаря Патриарха Д.И. Касьянов выполнял поручения, связанные с записями резолюций Патриарха: «Записываю резолюции Святейшего Патриарха и передаю по назначению»[61]. Он же был посредником в вопросах, касающихся приходского духовенства: «Я ношу на подпись грамоты священникам, диаконам о том, как нужно жить и вести себя, приношу патриарху бумаги, поступившие от посетителей, и получаю от него бумаги для исполнения»[62]. Он также показал, что периодически видел на подворье И. Громогласова, члена ВЦС: «Громогласова я видел в подворье в дни заседаний синода»[63]. Таким образом, Касьянов называл заседаниями Синода заседания соединенного присутствия Синода и ВЦС.

4 апреля 1922 г. был арестован член Синода архиепископ Серафим (Александров) в квартире на Петровке, где он в это время жил. Он был заключен во внутреннюю тюрьму ГПУ в Москве, в июне переведен в Бутырскую тюрьму[64].

Сохранился черновой отрывок протокола допроса Патриарха Тихона[65] П. Красиковым и Т. Самсоновым, который на основе источниковедческого анализа датирован нами 8 апреля 1922 г.[66]

На этом допросе выдвигалось жесткое требование публично осудить и предать суду зарубежную иерархию. На это Патриарх отвечал: «Для суда нужно 12 епископов»[67]. В деле сохранилась сводка Секретного отдела ГПУ за 25, 26 апреля 1922 г., в которой неизвестный осведомитель указывал на следующие слова Патриарха, сказанные 25 апреля: «... меня допрашивали 3 лица: Рутковский все писал, а Самсонов и Красиков объяснялись со мной... много они со мной говорили, но одно я признать не могу, и не боюсь ничего, я везде Патриарх Всероссийский»[68].

Патриарх, согласно записи, также сказал: «Самсонов и Красиков объяснялись со мной... они серчают на мое 2-е послание не надо придавать большого значения... я совершенно ничего не желаю, но одно не допускаю. Священных сосудов как их кладут в ящик и топчат (так в тексте. — *Д.С.*) ногами для уплотнения...»[69]. Патриарх высказывал озабоченность судьбой келейника Якова Полозова.

Современники знали, что новый келейник Патриарха Никита Юдин сотрудничал с ГПУ, этим и объяснялось его освобождение. Вот как описывает его один из очевидцев событий: «Едва ли не сам Никита подсказал мысль помочь ему попытаться сделаться келейником Патриарха. В это время у Патриарха келейник был, и Патриарх не думал с ним расставаться. Этого келейника (Якова), вскоре после освобождения Никиты, ВЧК арестовывает и сажает во внутреннюю тюрьму, а потом, чтобы отнять надежду на скорое освобождение, переводит в Бутырки. Рыжий, с вороватыми и лукавыми глазами, монах Никита каким-то образом втирается в

---

[58] См.: Троицкое подворье при Святейшем Патриархе Тихоне // Вестник ПСТГУ. Вып. II: 2 (19). 2006. С. 261.

[59] Там же. С. 268.

[60] Там же. С. 277.

[61] Там же. С. 265.

[62] Там же.

[63] Там же. С. 267.

[64] См.: Новые материалы о преследованиях за веру в советской России // Церковно-исторический вестник. 1999. № 2–3. С. 34–35.

[65] См.: Следственное дело... С. 128–129.

[66] См.: *Сафонов Д.В.* Патриарх Тихон и советская власть: к проблеме государственно-церковных отношений в 1922–1925 гг.: дисс. ... канд. ист. н. М., 2004. С. 34–36.

[67] См.: Следственное дело... С. 128.

[68] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 247.

[69] Цит. по: *Сафонов Д.В.* Академическое служение сщмч. Иллариона (Троицкого) и его борьба с обновленчеством (по материалам публичных диспутов в Политехническом музее) // Богословский вестник. 2006. № 5–6. С 365.

доверие и производится во "временные келейники" впредь до освобождения Якова. ВЧК дает своему агенту возможность пробыть в должности келейника до самого ареста Патриарха и ликвидации "гнезда церковников" в Троицком подворье»[70].

9 апреля в результате давления властей Патриарх подписал обращение к епархиальным архиереям о недопущении кровопролития при изъятии церковных ценностей[71]. По свидетельству А.М. Станиславского, для выработки текста было созвано заседание Синода, «...когда Советская власть понудила написать 3-е о безпрепятственной выдаче церковных ценностей, каковое послание он обсуждал только и исключительно с Синодом»[72]. В этом заседании участвовал митрополит Сергий, который еще 6 апреля 1922 г. писал о планируемом послании: «Я был у Патриарха. Оказывается, послание еще не выпущено, а должно отправлено быть на одобрение к тов. Калинину. Поэтому ни в Синоде, ни в ВЦ Совете копий нет. Вообще размножить его пока нельзя, и из служащих никто его пока не знает»[73]. Это цитата из сохранившегося в следственном деле Патриарха Тихона собственноручного письма, направленного митрополитом Сергием из Москвы некому «тов[арищу] Кабушину» (в письме митрополит Сергий извиняется, что не знает имени и отчества этого человека), датированного 6 апреля 1922 г. Он пишет: «Арх[иепископ] Евдоким числится вызванным в Синод и стоит только ему написать сюда, что препятствий к его выезду из Нижнего в Москву больше нет и его будем ждать сюда после Пасхи. Прошу Вас передать ему поклон. Уважающий Вас Митрополит Сергий»[74]. Таким образом, митрополит Сергий вошел в курс синодских дел, очевидно, став председателем заседаний ВЦУ. Вероятнее всего, письмо митрополита Сергия было направлено в Нижний Новгород, где жил архиепископ Евдоким (Мещерский), который находился в оппозиции Патриарху Тихону. В состав Синода, таким образом, должен был войти архиепископ Евдоким (Мещерский), начавший к этому времени сотрудничать с властями в деле изъятия церковных ценностей и подготовки обновленческого раскола. Очевидно, формулировка «числится вызванным в Синод» подразумевала то, что согласно существовавшему порядку, выбывших членов Синода должны были замещать в определенном порядке другие правящие архиереи с мест.

После 5 апреля, как указывал сам Патриарх в цитированной выше записке в ГПУ, доступ к нему извне был затруднен, поэтому представляется маловероятным, что к нему мог попасть какой-то епископ Сергий, тем более что архиерея с таким саном и именем в этот момент не было. Комментируя текст с указанием на «епископа Сергия», публикатор этого документа Н.А. Кривошеева указывает: «Фамилию епископа установить не удалось»[75].

10 апреля 1922 г. был арестован управляющий канцелярией Священного Синода П.В. Гурьев[76]. Он обвинялся в том, что, «являясь управляющим делами Синода и Высшего Церковного Совета, проявивших антисоветскую деятельность, виновен в причастности к этой деятельности»[77]. Очевидно, арест Гурьева был формой давления на Патриарха. В этот же день Патриарх предложил Синоду и Высшему Церковному Совету «упразднить ВЦУ и Св. Синоду иметь суждение об ответственности некоторых церковных лиц за границей за их политические, от имени Церкви, преступления»[78]. На этом заседании, очевидно, присутствовали митрополит Сергий и архиепископ Серафим, епископ Николай и введенный Патриархом в состав Синода после арестов марта 1922 г. епископ Фаддей (Успенский),

---

[70] Троицкое подворье при Святейшем Патриархе Тихоне // Вестник ПСТГУ. Вып. II: 2 (19). 2006. С. 256.

[71] Следственное дело... С. 124–125.

[72] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. 316об.

[73] Там же. Т. 6. Л. 27.

[74] Там же.

[75] Троицкое подворье при Святейшем Патриархе Тихоне // Вестник ПСТГУ. Вып. II: 2 (19). 2006. С. 336.

[76] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 29. Л. 7.

[77] *Никитин Д.Н.* Гурьев П.В. // ПЭ. Т. XIII. С. 493.

[78] Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти: 1917–1943 / сост. М.Е. Губонин (далее: Акты Святейшего Тихона...). М., 1994. С. 192.

получивший в апреле 1922 г. сан архиепископа. Сведений о созыве заседаний ВЦУ до 5 мая 1922 г. не имеется.

Евдоким вскоре после письма митрополита Сергия от 6 апреля прибыл в Москву, но не явился к Патриарху. В следственном деле Патриарха Тихона содержится документ, согласно которому Патриарх 25 апреля 1922 г. сказал: «Путята опять в Москве, приезжал Евдоким, но секретно, я знаю все»[79].

Митрополит Сергий (Страгородский) был арестован 18 апреля 1922 г. на улице в Москве[80], его снова выслали в Нижний Новгород, где он вышел на свободу в июне 1922 г. после подписания знаменитого «Меморандума трех». Ставка властей была сделана на завербованное обновленческое духовенство, которое возглавил в Москве С. Калиновский.

25 апреля 1922 г. в Москве был арестован митрополит Серафим (Чичагов)[81]. Патриарх сказал в этот день: «Серафима сегодня арестовали»[82]. В деле Патриарха сохранилась сводка о событиях в Троицком подворье 25 и 26 апреля 1922 г. В ней говорилось: «25 апреля на приеме у Патриарха Тихона публика отсутствовала совершенно, только есть в небольшом количестве у епископа Николая, принимавшего сведения, кто, где и как себя вел в храме во время изъятия ценностей, и что и где взято»[83]. Сообщалось также, что в канцелярии ВЦУ делопроизводители Н.В. Нумеров и М. Гребинский уничтожали документы[84]. Они ожидали скорых арестов и изъятия документов. Очевидно, понимал приближение репрессий и Патриарх Тихон.

Патриарх, высказываясь в своем кругу 25 апреля, говорил о том, что о гонениях Церкви знают за рубежом: «Папа знает все то, что творится на русской земле, а также и знают и другие епископы прочих держав, а ведь Генуя[85] не особо радует власть. Я тоже получаю сведения, пусть их разносят слух, но все ложный (так в тексте. — *Д.С.*)». Патриарх также говорил: власти «считают меня американским аристократом». Обращает на себя внимание одно совпадение: Патриарх говорил о США и о том, что Папа знает о гонениях на верующих в России в день, когда Москву покинул находившийся здесь более месяца специальный посланник Ватикана американский иезуит А. Уолш. Авторы монографии об истории католических миссий в СССР отмечают, что он был «представителем американской Католической церкви в АРА»[86]. В исследовании отмечается: «23 марта Уолш прибыл в Москву. Отсюда, через британского курьера, он направил сообщения Ледуховскому. Затем, изучив ситуацию, 25 апреля он выехал обратно, и между 4 и 5 мая прибыл в Рим. Святой Престол получил через него картину религиозных преследований в России»[87].

Есть основания предположить, что Уолш встречался 25 апреля с Патриархом Тихоном. Уолш высказал в Ватикане мысль о предложении выкупить изъятые у Церкви ценности, но предупредил, что Патриарх вряд ли потерпит такое[88]. Такая осведомленность о позиции Патриарха также могла быть следствием личной встречи с ним. Е.С. Токарева пишет: «Пий XI обратился через Чичерина к советскому правительству с предложением о выкупе церковных ценностей. 14 мая Монс. Пиццардо в письме к Чичерину сообщал, “что его Святейшество готов купить эти драгоценные и священные предметы, оставляя их на хранение у монсиньора Цепляка”»[89].

---

[79] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 247–247об.

[80] Новые материалы о преследованиях за веру в советской России... // Церковно-исторический вестник. 1999. № 2–3. С. 67.

[81] Там же. С. 79.

[82] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 247.

[83] Там же.

[84] Там же. Л. 247об.

[85] Имеется в виду недовольство советских властей ходом проходившей в апреле 1922 г. Генуэзской конференции.

[86] См.: *Ливцов В.А.*, *Филонов В.И.*, *Лепилин А.В.* Взаимоотношения православия и католичества в истории России в контексте идеи единства Церкви. М., 2006. С. 226.

[87] Там же. С. 227.

[88] Там же. С. 228.

[89] *Токарева Е.С.* Отношения СССР и Ватикана: от переговоров к разрыву, 1922–1929 гг. М., 1998. С. 12.

Католическая Церковь в этот период активизировала свою деятельность в России, надеясь, что преследования большевиков позволят склонить православных к унии. К. Радеку приписывается заявление, сделанное в ноябре 1922 г.: «Я нахожу, что Ватикан и Советы в настоящее время преследуют аналогичные цели: уничтожение церковной схизмы в России»[90]. Однако он выражал точку зрения троцкистов-интернационалистов, позиции которых с укреплением власти И.В. Сталина слабели.

По данным ГПУ, весной 1922 г. активизировались собрания на квартире у католического священника В. Абрикосова по вопросу сближения с католицизмом, на которых присутствовали православные клирики прот. И.В. Арсеньев, прот. А. Орлов и др. Так, «в среду 3 мая у Абрикосова происходило собрание по поводу объединения с Римской церковью»[91]. С этой группой был связан проф. Археологического института Н.М. Коробков, по данным ГПУ, «личный друг патриарха», который до 10 мая подготовил обращение к западным странам, под которым собирал подписи. В нем говорилось: «Патриарх, наместник Патриаршей области и наиболее видные епископы заключены в тюрьмы в ожидании суда, исход которого заранее предрешен. Русская церковь объявлена преступной организацией, дальнейшее существование которой недопустимо в Советском государстве»[92]. По данным следственного дела «группы Абрикосова», последний характеризовался как «близкий друг патриарха Тихона»[93].

Контакты Патриарха с АРА не были секретом для ГПУ, но в 1922 г. ГПУ вынуждено было терпеть деятельность этой организации, так как она оказывала значительную гуманитарную помощь населению РСФСР; однако для них было ясно, что, «помимо помощи голодающим, [она] преследует также иные цели, ничего общего с гуманитарными идеями и филантропией не имеющие»[94].

С возможной встречей с Уолшем связано решение Патриарха, принятое 27 апреля, о назначении на Американскую кафедру архиепископа Платона. 14/27 апреля 1922 г. было принято определение Священного Синода во главе со Святейшим Патриархом Тихоном о назначении митр. Платона временно управляющим Северо-Американской епархией[95]. Это подтвердил сам Патриарх на допросе 21 марта 1925 г.: «Первое назначение Платона Митрополитом Американским мною было проведено в апреле 1922 г.»[96].

Представитель Американского отделения YMCA Э. Колтон и прот. Ф. Пашковский свидетельствовали, что они были у Патриарха 3 мая 1922 г. и «застали его, если не под формальным арестом, то в очень стесненном положении, под строгим наблюдением». Их вопрос касался назначения в США митрополита Платона. Как мы указывали, 27 апреля Синод принял решение о его назначении в США. Однако Патриарх Тихон не стал передавать это постановление для отправки в США, ограничившись рекомендацией совершить это назначение заграничному ВЦУ: «Он решил это сделать в форме рекомендации, поскольку это дело было уже в руках Управления, и он не хотел действовать через их голову»[97]. Согласно показаниям свящ. Ф. Пашковского, Патриарх Тихон «фактически высказался, что он желает этого и назначил Митрополита Платона своим личным представителем в Северной Америке, с уполномочием править над всей Русской Православной Греко-Кафолической Церковью в Северной Америке, как наивысшего над находящимися там епископами и архиепископами»[98].

---

[90] Цит. по: *Ливцов В.А., Филонов В.И., Лепилин А.В.* Указ. соч. С. 227.

[91] Высылка вместо расстрела: Депортация интеллигенции в документах ВЧК – ГПУ: 1921–1923 (далее: Высылка вместо расстрела...). М., 2005. С. 70; «Очистим Россию надолго...»: Репрессии против инакомыслящих: Конец 1921 – начало 1923 г.: Документы (далее: «Очистим Россию надолго...») / под. ред. А.Н. Артизова, В.С. Христофорова. М., 2008. С. 104–105.

[92] Высылка вместо расстрела.... С. 72; «Очистим Россию надолго...». С. 105.

[93] «Очистим Россию надолго...». С. 200.

[94] См.: Совершенно секретно: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). М., 2001. Т. 1. Ч. 1. С. 203.

[95] См.: *Григорьев Д. прот., Буевский А.С.* Алеутская и Северо-Американская епархия // ПЭ. Т. II. М., 2001. С. 15.

[96] Архивы Кремля... Кн. 2. М., 1998. С. 451.

[97] Цит. по: *Григорий (Граббе), еп.* Завет святого Патриарха. М., 1996. С. 163.

[98] Следственное дело... С. 711.

В своем письме, написанном на следующий день после встречи с Патриархом, Колтон сообщал следующее: «Патриарх высказал как свое пожелание и рекомендацию, чтобы Высшее Церковное Управление за границей просило митрополита Платона остаться в Америке с полными правами, о которых просят, в частности, поручив Канаду Архиепископу Александру и США Антонию. Он предпочел сделать все это в форме рекомендации, поскольку дело уже было в руках управления и он не хотел распоряжаться через его голову». Святейший Патриарх также сообщил, что «немедленно свяжется с управлением, имеющим главную квартиру на Балканах в надежде, что окончательное решение не задержится надолго»[99]. Таким образом, Патриарх не только не предполагал распускать зарубежное ВЦУ в Карловцах, но и передоверял ему решение вопросов о назначении архиерея в США, что, возможно, было связано с тем, что по этому вопросу не удалось собрать заседание соединенного присутствия ВЦУ.

В записи разговоров Патриарха 25 апреля отмечена тема уплотнения помещений канцелярии ВЦУ, в том числе за счет Патриарха. Уплотнять Патриарха начали еще в 1921 г., заселяя комнаты на Троицком подворье чекистами[100]. (Здесь в 1922 г. проживал даже будущий председатель СМ СССР Н.А. Булганин, тогда сотрудник ВЧК.) Один из них скрывался под фамилией Белов. Очевидец событий вспоминал: «Слухи о том, что Белов не служащий наркомпрода, а чекист, пошли очень рано; но это подозрение оставалось в области слухов до апреля 1922 г., когда Белов-Кириллов во главе отряда чекистов явился с обыском к Патриарху Тихону. Канцелярия Синода после обыска и реквизиции помещения была стеснена в одну комнату, смежную с квартирой Кириллова-Белова»[101]. Очевидно, на эти события и прореагировал Патриарх 25 апреля, выразив готовность покинуть Троицкое подворье — настолько невыносимые условия там сложились к этому времени.

Вечером 4 мая Патриарх был вызван Московским ревтрибуналом в качестве свидетеля на процесс московского духовенства, состоявшийся в здании Политехнического музея. В деле имеется подробный отчет сотрудника ГПУ, который сопровождал Патриарха на процесс и обратно на Троицкое подворье[102]. Патриарх выехал на процесс в 20 часов 30 мин. 4 мая и лишь в час ночи 5 мая был отпущен. Он, как видно из документа, даже в эти тяжелые для него минуты сохранял бодрость духа, шутил. Трибунал принял решение о привлечении Патриарха Тихона и митрополита Никандра (Феноменова) к судебной ответственности[103].

Прот. Михаил Польский сообщал, что после допроса в трибунале Патриарх отправился в ГПУ: «Пред своей последней службой на свободе в храме с. Богородского (в Москве же) Патриарх явился из Чека, (а не из суда) уже поздно ночью. Своим келейникам, измученным ожиданием, он сказал: «Уж очень строго допрашивали». — «Что же Вам будет?» — «Обещали голову срубить», — ответил Патриарх с неизменным своим благодушием. Литургию он служил, как всегда: ни малейшей нервности или хотя бы напряжения в молитве»[104].

То, что Патриарх ночью 5 мая из зала суда отправился на Лубянку, подтверждается материалами следственного дела. Ночной допрос велся начальником СО ГПУ Т.П. Самсоновым в присутствии заместителя председателя ГПУ В.Р. Менжинского, а также главы «ликвидационного» отдела НКЮ П.А. Красикова, затем допрос был продолжен Е.А. Тучковым. Такой высокий состав допрашивающих был вызван стремлением властей во что бы то ни стало заставить Патриарха распустить заграничное ВЦУ.

Ответы Патриарха носили уклончивый характер и явно не удовлетворяли допрашивавших. В.Р. Менжинский даже предложил вызвать митрополита Антония (Храповицкого) и митрополита Евлогия (Георгиевского) в Москву для дачи лич-

---

[99] Цит. по: *Кострюков А.А.* Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920-х годов: Организация Церковного управления в эмиграции и его отношения с Московской Патриархией при жизни Патриарха Тихона. М., 2007. С. 71.

[100] См. об этом: Троицкое подворье при Святейшем Патриархе Тихоне // Вестник ПСТГУ. Вып. II: 2 (19). 2006. С. 254–256.

[101] Там же. С. 255.

[102] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 284 об.

[103] Там же. Т. 29. Л. 15; Следственное дело... С. 153.

[104] *Польский М., протопресв.* Новые мученики российские: Первое собр. мат-лов. Джорданвилль, 1949 (репринт — б. г. Б. м. Ч. 1. С. 103).

ных объяснений, на что Патриарх ответил: «Разве они поедут сюда?»[105]. Анализ документов приводит к однозначному выводу о том, что Патриарх подвергался со стороны властей крайнему давлению, и все его действия, направленные против заграничного ВЦУ, непосредственно связаны с этим давлением. Одним из факторов этого давления была судьба приговоренных Ревтрибуналом 5 мая к расстрелу 11 московских священников, которых и попытался спасти Патриарх, пойдя на частичные уступки власти. Вернувшись с Лубянки, Патриарх созвал срочное заседание соединенного присутствия Священного Синода и ВЦС, на котором было принято вынужденное решение об упразднении заграничного ВЦУ. Монархические акты Карловацкого Собора были признаны «актами, не выражающими официального голоса Русской Православной Церкви»; Священному Синоду при возможности его полноценного функционирования предлагалось вынести суждение о «церковной ответственности некоторых духовных лиц»[106]. Однако этот акт был выработан в такой форме, чтобы не препятствовать созданию нового органа высшего церковного управления РПЦЗ, что и произошло в дальнейшем. Соответствующий указ подписал «член Священного Синода архиепископ Фаддей Астраханский»[107]. Вероятно, на заседании ВЦУ епископ Николай (Добронравов), другие члены Синода находились под арестом, на заседании также должен был присутствовать кто-то из членов ВЦС.

5 мая 1922 г. на Троицком подворье был произведен обыск и арестованы все насельники подворья, включая секретаря Патриарха архим. Неофита (Осипова), келейника, швейцара, повара и др.[108] В этот день, по свидетельству прот. Ф. Пашковского, Троицкое подворье было оцеплено, к Патриарху никого не пускали.[109] Обстановка террора должна была вынудить Патриарха принять нужное властям решение о судьбе заграничного ВЦУ.

5 мая Патриарх Тихон уже имел на руках повестку, согласно которой он был вызван на новый допрос к 7 часам вечера «для дачи показаний по делам духовенства»[110]. На допросе, начавшемся в 19 часов 5 мая, первый же вопрос Т.П. Самсонова касался отношения к заграничному духовенству, на что Патриарх ответил, что упразднил заграничное ВЦУ, а высшее духовенство должно быть предано суду Священного Синода (из 12 иерархов), который вынесет ту или иную меру наказания[111]. Таким образом, Патриарх обуславливал суд над иерархией РПЦЗ разрешением на создание полноценного Синода. На допросе Т.П. Самсонов выдвинул новое требование, связанное с заграничным церковным имуществом: «Скажите дадите ли вы директиву заграничному православному духовенству в том, что все церковное движимое и недвижимое имущество православных церквей, где бы оно ни находилось, немедленно будет передано представителям советской власти за границей согласно декрету о национализации церковного имущества?»[112]. Патриарх обусловливал рассмотрение этого вопроса возможностью созыва ВЦУ: «В имущественных вопросах Патриарх издает распоряжения совместно с Высшим Церковным Управлением, при нем состоящим, и я означенному управлению сделаю предложение для приведения оного в исполнение»[113]. Патриарх здесь строго следовал постановлениям Собора 1917–1918 гг.

Тем не менее Самсонов после окончания допроса потребовал от Патриарха единоличного распоряжения, касающегося заграничного церковного имущества, которое советские власти пытались заполучить. В деле имеется копия письма Патриарха, направленного Т.П. Самсонову 6 мая 1922 г., следующего содержания: «Извиняюсь, что не представил того, о чем Вы говорили вчера при моем выходе от Вас. Во-первых, я не совсем понимаю, что именно от меня требуется (ответ я вчера дал).

---

[105] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 2. Л. 47; Следственное дело... С. 156.

[106] Акты Святейшего Тихона... С. 193–194.

[107] Там же. С. 194.

[108] См.: Троицкое подворье при Святейшем Патриархе Тихоне // Вестник ПСТГУ. Вып. II: 2 (19). 2006. С. 231.

[109] См.: *Григорий* (*Граббе*), *еп.* Указ. соч. С. 163.

[110] См.: Следственное дело... С. 154.

[111] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 2. Л. 47; Следственное дело... С. 155.

[112] Следственное дело... С. 155.

[113] Там же.

Во-вторых, со вчерашнего вечера пропуск ко мне лиц крайне затруднен... при таких обстоятельствах не представляется удобным пригласить членов Церковного управления на совещание, тем более обещанных копий (протоколов собраний заграничной иерархии, которые Патриарх просил предоставить в качестве доказательства антисоветской деятельности зарубежной иерархии. — *Д.С.*) у меня нет»[114]. Эта записка была доложена Самсонову в перепечатанном виде 8 мая.

В следственном деле Патриарха сохранились отрывки допроса Патриарха в ГПУ от 5 мая. Из этого документа становится понятно, что под «обещанными копиями» имеются в виду протоколы собраний заграничного духовенства, которые попросил Патриарх в ответ на требование официально осудить деятельность РПЦЗ[115]. А извинялся Патриарх за то, что не представил письменного осуждения РПЦЗ. Также становится ясно, что под совещанием «членов Церковного Управления» Патриарх имел в виду собрание 12 архиереев, которое по канонам необходимо для церковного осуждения архиереев РПЦЗ, о чем Патриарх заявил 5 мая допрашивавшим его П.А. Красикову и Т.П. Самсонову.

Вечером 5 мая, пока Патриарх давал показания в ГПУ, в Троицком подворье производили аресты, «в его покоях был произведен обыск, причем и у наружной двери, и внутри покоев была поставлена стража. Обыск ничего не дал, а солдаты остались и на ночь в покоях; так как другие члены подворья были арестованы и допрашивались, то Патриарх на ночь остался в буквальном смысле один с красноармейцами. Наутро, 6 мая, жуткую картину наблюдали в покоях Патриарха. Громадные комнаты, обычно оживленные и полные служащих и посетителей, — пусты»[116].

6 мая Патриарх должен был служить «в церкви Георгия на Варварке... но почему-то не был», а 9 мая на подворье была задержана сообщившая об этом прихожанка этого храма[117]. 7 мая Самсонов пишет записку Тучкову: «1) опираясь на опубликованном сегодня в печати постановлении Московского ревтрибунала, объявить под подписку Тихону о том, что мы предаем его суду и возьмите с него подписку о не выезде из Москвы. 2) 2 раза в неделю вы должны представлять в ЦКа РКП в 2-х экземплярах краткую сводку самых существенных мест показаний обвиняемых лиц по делу Тихона»[118]. Тучков не смог взять подписку с Патриарха в этот день, так как было воскресенье, и состоялся последний выезд Патриарха для служения литургии из Троицкого подворья. Патриарх выехал в село Богородское[119]. (На сегодняшний день имеется три храма с. Богородское: в Коломенском, Сергиево-Посадском и Рузском районах Московской обл.[120])

Такой дальний выезд вызвал волнение у Т.П. Самсонова. В деле имеется недатированная записка Самсонова Тучкову: «Немедленно доложите: 1) Взяли ли вы Николая* и др. по указанию Калиновского... 3) К[а]к обстоит дело с охраной Тихона и не сбежит ли он у нас?..»[121].

Этот документ должен быть датирован 7 мая 1922 г. Арест епископа Николая (Добронравова) был произведен по указанию Калиновского, который отвечал за подготовку обновленческого переворота. Его арест автор записки, хранящейся в Гуверовском институте, относит примерно к 6 мая 1922 г.: «6 мая, через два дня после вызова в суд, Патриарх, уже около двух лет находившийся под домашним арестом, но довольно свободно сносившийся с паствой, был подвергнут строгому заключению в своем жилище и изолирован от всех... В это же время был арестован епископ Николай Звени-

---

[114] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 6. Л. 32; Следственное дело... С. 123 (дата 6 апреля, поставленная в копии письма, ошибочна, должно быть 6 мая).

[115] См.: Следственное дело... С. 128.

[116] См.: Троицкое подворье при Святейшем Патриархе Тихоне // Вестник ПСТГУ. Вып. II: 2 (19). 2006. С. 231.

[117] См. там же. С. 289.

[118] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 6. Л. 33; Следственное дело... С. 127.

[119] См.: Богослужебный дневник Святейшего Патриарха Тихона: 1917—1925 гг. / спис. М.Е. Губонина // СПбДАиС. Библиотека. (Машинопись.) С. 102.

[120] Московская епархия: Ежегодник. 2006. С. 374.

* Имеется в виду епископ Николай (Добронравов), управляющий Московской епархией.

[121] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 6. Л.34– 34об.; Следственное дело... С. 263.

городский, которому Патриархом было поручено управление Московской епархией после заключения в тюрьму архиепископа Никандра»[122]. Таким образом, с 22 марта по начало мая епископ Николай был управляющим Московской епархией.

Записка Самсонова заставила Тучкова доложить записку Патриарха Самсонову от 6 мая, которая была перепечатана 7 мая согласно проставленной дате, заверенной рукой Тучкова. 8 мая Самсонов в тексте этого письма пишет распоряжение Тучкову: «Завтра вызвать ко мне на допрос к 20 ч. Тихона. 2) Немедленно сегодня же заявить ему, что он находится под следствием по постановлению Ревтриба и взять с него подписку о невыезде»[123]. 9 мая 1922 г. в 10 часов вечера, согласно повестке[124], состоялся новый допрос Патриарха, на котором вновь были подняты вопросы, связанные с заграничной иерархией. Патриарх избегал всяческих оценок деятельности митрополита Антония (Храповицкого), заявив, что у него нет фактов борьбы ВЦУ против трудящихся России[125]. Патриарх подписал написанную рукой Т.П. Самсонова расписку об объявлении ему приговора о привлечении его к ответственности и подписку о невыезде[126]. Таким образом, как справедливо отмечает В.В. Лобанов, на этот момент Патриарх не находился формально под домашним арестом[127]. 9 и 10 мая сотрудники задерживали и допрашивали всех приходящих в Троицкое подворье[128].

Таким образом, датой прекращения деятельности органов ВЦУ на данном этапе следует считать 5 мая 1922 г., когда было проведено последнее заседание, хотя и в очень малочисленном составе и под жестким давлением, буквально в окружении вооруженных представителей власти.

Ставка властей была сделана на передачу власти новому ВЦУ, составленному из просоветского духовенства. В мае 1922 г. ГПУ организовало операцию по захвату церковной власти обновленцами. Поздним вечером 12 мая в сопровождении Е.А. Тучкова они направились на Троицкое подворье к Патриарху. Обновленцы явились к Патриарху ночью: «Небольшая группа Петроградских и Московских священников явилась к патриарху Тихону и предъявила ему требование жизни изменить направление церковной политики и передать управление другому лицу»[129].

Во время разговора Патриарха Тихона с визитерами велась стенограмма[130]. Еще 9 мая Патриарх был ознакомлен с приговором по делу московского духовенства, о чем свидетельствует его собственноручная расписка[131]. В этот же день он написал ходатайство о помиловании, адресованное ВЦИК, но оно не попало туда, а оказалось в ГПУ и было приобщено к делу[132]. Таким образом, Патриарх, зная о расстрельном приговоре осужденным и от обновленцев — о том, что власть готова прислушаться не к его, а к их ходатайству, чтобы спасти жизни людей, написал заявление на имя М.И. Калинина о передаче церковного управления митрополиту Агафангелу или митрополиту Вениамину[133].

Патриарх Тихон писал: «Ввиду крайней затруднительности в церковном управлении, возникшей по привлечении меня к гражданскому суду, считаю полезным для блага Церкви поставить временно, до созыва Собора, во главе церковного управле-

---

[122] Патриарх Тихон в 1920–1923 годах: аналитическая записка из Гуверовского архива / публ. Е.В. Ивановой (далее: Патриарх Тихон в 1920–1923 годах...) // Журнал Московской Патриархии (далее: ЖМП). 2007. № 11. С. 77.

[123] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 6. Л. 32; Следственное дело... С. 123–124.

[124] Там же. Т. 2. Л. 35; Следственное дело... С. 159.

[125] Там же. Т. 29. Л. 86–87; Следственное дело... С. 160.

[126] Там же. Т. 2. Л. 42; Следственное дело... С. 162.

[127] См.: *Лобанов В.В.* Патриарх Тихон и советская власть (1917–1925 гг.) М., 2008. С. 128.

[128] См.: Троицкое подворье при Святейшем Патриархе Тихоне // Вестник ПСТГУ. Вып. II: 2 (19). 2006. С. 287.

[129] Поместный Собор Российской Православной Церкви 1923 г. (Бюллетени). М., 1923. С. 10.

[130] См.: *Бычков С.С.* Большевики против Русской Церкви: Очерки по истории Русской Церкви (1917–1941 гг.). М., 2006. С. 194.

[131] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 2. Л. 42; Следственное дело... С. 161.

[132] Там же. Л. 56; Следственное дело... С. 158.

[133] Там же. Л. 54. Следственное дело... С. 162–163.

ния Ярославского митрополита Агафангела или Петроградского митрополита Вениамина»[134]. Вынужденно отказываясь от своих полномочий, Патриарх ставил во главе Церковного управления митрополита Агафангела, хотя и понимал, что власти не дадут ему приступить к этим обязанностям.

В недавно опубликованном документе из Гуверовского архива говорится о письме Патриарха протопресвитеру Н.А. Любимову, который возглавлял в тот момент Высший Церковный Совет, будучи единственным оставшимся на свободе его членом. Здесь говорится: «Через священника Калиновского протопресвитер Большого Успенского собора Н.А. Любимов получил от Патриарха собственноручное письмо, помеченное 3/8* мая с.г., следующего содержания: "Достопочтимый отец протопресвитер. Ввиду крайней затруднительности в церковном управлении, возникшей от привлечения меня к гражданскому суду, почитаю полезным для блага Церкви поставить во главе церковного управления временно до созыва Собора Высокопреосвященного Агафангела, митрополита Ярославского. На это имеется согласие и гражданской власти, и о сем сообщается мною Высокопреосвященнейшему Агафангелу. Прошу Вас учинить распоряжение о приеме и помещении Его Высокопреосвященства на первое время в Донском монастыре и дать знать московскому духовенству. Патриарх Тихон". На стороне сделана подпись: "Действительность настоящего документа удостоверяем: протоиерей Александр Введенский, священник В. Красницкий, священник С. Калиновский"»[135].

14 мая 1922 г., в воскресенье, Патриарх Тихон в последний раз отслужил Божественную литургию в Сергиевском храме Троицкого подворья. Сохранились воспоминания очевидцев об этом богослужении[136].

В этот же день в ГПУ принимали решение о судьбе приговоренных. В фонде секретного делопроизводства сохранился первоначальный вариант заключения Уншлихта-Бека, которое в определенной степени учитывало просьбу обновленцев. Однако в окончательном варианте заключения от 14 мая расстрельный приговор оставлен в силе в отношении пяти человек, за четверых из которых просили обновленцы; пять человек из «обновленческого» списка были помилованы. 18 мая Политбюро утвердило это решение[137].

Как и 12 мая, сразу после заседания Политбюро, 18 мая ГПУ вновь направило группу обновленцев на Троицкое подворье требовать от Патриарха высшей церковной власти. К этому времени, очевидно, в Москве знали об итогах визита к митрополиту Агафангелу В.Д. Красницкого. Последний привез митрополиту акт о передаче патриарших полномочий от 12 мая. Митрополит отказался подписывать опубликованное воззвание обновленцев, фактически отказавшись от какого бы то ни было сотрудничества с обновленцами. Об этом рассказал сам митрополит на допросе[138]. Согласно данным аналитической записки из Гуверовского архива, митрополит «...вручил им только письмо для передачи Патриарху, в котором уведомлял последнего, что принимает возложенное на него поручение и выедет в Москву в самом непродолжительном времени»[139].

18 мая обновленцы во главе с А. Введенским подали Патриарху прошение, в котором говорилось: «Мы, нижеподписавшиеся, испросили разрешение государственной власти на открытие и функционирование канцелярии Вашего святейшества. Настоящим мы сыновне испрашиваем благословение вашего святейшества на это, дабы не продолжалась пагубная остановка в делах по управлению церковью. По приезде Вашего заместителя он тотчас же вступит в исполнение своих обязанностей. К работе в канцелярии мы привлечем временно до окончательного сформирования управления под главенством Вашего заместителя находящихся на свободе в Москве святителей»[140]. К этому времени Патриарх знал о помиловании

---

[134] Акты Святейшего Тихона... С. 213.

* Ошибка, вероятно, 3/16 мая.

[135] Патриарх Тихон в 1920–1923 годах... // ЖМП. 2007. № 11. С. 81.

[136] *Вострышев М.* Патриарх Тихон. М., 2004. С. 221.

[137] ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 11. Л. 130; см. также: Архивы Кремля... Кн. 1. С. 223–224, 228–229

[138] См.: Ради мира церковного... Кн. 2. С. 164–165.

[139] Патриарх Тихон в 1920–1923 годах... // ЖМП. 2007. № 11. С. 79.

[140] Следственное дело... С. 165.

по ходатайству обновленцев пяти московских священников. Троицкое подворье было полностью окружено красноармейцами, которые прогоняли всех, кто хотел приблизиться к зданию[141].

Обновленцы указали на то, что «Московская епархия вследствие ареста архиепископа Никандра и его заместителя епископа Николая Звенигородского остается без управляющего епископа, просили Патриарха вверить им, по крайней мере, заведование канцелярией Высшего Церковного Управления, а для Московской епархии назначить управляющего епископа»[142]. Патриарх написал резолюцию: «Поручается поименованным ниже лицам принять и передать Высокопреосвященному митрополиту Агафангелу [Преображенскому], по приезде его в Москву, синодские дела при участии секретаря Нумерова, а по Московской епархии Преосвященному Иннокентию [Летяеву], епископу Клинскому, а до его прибытия Преосвященному Леониду [Скобееву], епископу Верненскому, при участии столоначальника Невского»[143].

Таким образом, Патриарх не передавал власть обновленцам, которым только поручалось передать дела митрополиту Агафангелу, о местоблюстительстве которого в случае невозможности для Патриарха осуществлять церковное управление архиереи были извещены еще в 1921 г. Обновленцы создали параллельную неканоническую структуру, а Патриаршая Церковь продолжила существовать, перейдя на особые формы управления.

В гуверовском документе говорится о втором письме к протопресв. Н.А. Любимову, но уже от имени Патриарха: «Два дня спустя, 16 мая*, протопресвитеру Любимову было доставлено письмо от священника Калиновского совсем другого содержания: "Досточтимый отец протопресвитер. Только что мною получено распоряжение от Святейшего Патриарха о его немедленном желании переехать в Донской монастырь, для этой цели освобождают архимандрита Анемподиста, и чтобы завтра к вечеру Его Святейшеству можно было уже выехать в Донской монастырь, а посему он просит поторопиться с освобождением ему места и через меня сообщить не позднее 12 часов дня 19 мая с. г. Прошу молитв. Священник Калиновский. 18 мая"»[144]. Калиновский, будучи осведомителем ГПУ, лукавил: Патриарх не по своей воле уезжал в Донской монастырь. Тучков прямо называл обновленцев, которые 18 мая 1922 г. явились к Патриарху Тихону, своими осведомителями: «Работа была начата с руководителя черносотенным церковным движением быв. Патриарха Тихона, который под давлением группы попов — наших осведомов передал ей церковную власть, удалившись сам в Донской монастырь»[145].

В историографии утвердился стереотип, что обновленцы обманом выманили у Патриарха церковную власть, в этом случае Патриарх представляется в образе некого наивного простака, однако это не так. Патриарх Тихон вынужден был пойти на передачу церковной власти, причем не обновленцам, а митрополиту Агафангелу, сознательно, понимая, с кем имеет дело. Этот шаг был ценой отказа от выполнения антиканонических требований властей и попытки спасти жизнь приговоренным к смерти московским священникам. Позднее, после своего освобождения из заключения, Патриарх Тихон дал такую оценку этим событиям: «Мы уступили их домогательствам и положили на их заявлении следующую резолюцию: "...поручается поименнованным ниже лицам, т.е. подписавшим заявление священникам, принять и передать Высокопреосвященнейшему Агафангелу, по приезде его в Москву, синодские дела при участии секретаря Нумерова"»[146]. На докладе духовенства г. Череповцы, где приводилось мнение, что Патриарх Тихон передал власть ВЦУ добровольно, рукой Патриарха сделана помета: «Неправда»,[147] т.е. сам

---

[141] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 303.

[142] Патриарх Тихон в 1920–1923 годах... // ЖМП. 2007. № 11. С. 81–82.

[143] Акты Святейшего Тихона.... С. 217.

* Имеется в виду два дня после первого письма от 16 мая.

[144] Патриарх Тихон в 1920–1923 годах... // ЖМП. 2007. № 11. С. 81.

[145] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 372. Л. 122; Архивы Кремля... Кн. 2. С. 416.

[146] Цит. по: *Шишкин А.А.* Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола Русской православной церкви. Казань, 1970. С. 90–91.

[147] РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 197. Л. 66–67; цит. по: *Лихачев В.* Положение и состояние Русской Православной Церкви. СПбДА, 1999. (Курсовое сочинение; машиноп.). Т. 2. С. 92.

Патриарх не считал, что добровольно отказался от высшей церковной власти.

В советских газетах появилось сообщение, искажавшее смысл патриаршего распоряжения: «На основании соглашения с Патриархом Тихоном церковная власть Православной Церкви в России перешла впредь до окончательного сформирования управления к временному высшему церковному управлению в составе: епископа Антонина, епископа Леонида, протоиерея Введенского, протоиерея Альбинского, священников Волкова, Воскресенского, Калиновского, Красницкого, диакона Скобелева»[148].

19 мая по просьбе Патриарха был освобожден архимандрит Анемподист (Алексеев). Патриарх Тихон переехал в Донской монастырь. По свидетельству наблюдения ГПУ, Патриарх выехал из подворья в 17 часов в сопровождении мальчика 15—16 лет, благословляя верующих, собравшихся у подворья[149]. Отсутствие конвоя подтверждает то, что Патриарх в это время не находился под арестом. Власти хотели добиться впечатления добровольности действий Патриарха. Факт нахождения Патриарха на свободе подтверждается «гуверовской» аналитической запиской: «19 мая Патриарх переехал в наемном экипаже без стражи через весь город в Донской монастырь. На пути заезжал в Иверскую часовню помолиться перед чтимой иконой Божией Матери и при выходе из часовни благословлял собравшийся народ. Но как только в Донском монастыре он вошел в назначенное для него помещение, все выходы и входы были заняты стражей»[150].

В канцелярии Патриаршего управления водворились обновленцы. По словам М.Е. Губонина, «архивы и дела Патриаршего Священного Синода, — все это было оставлено на Троицком подворье»[151]. «После переезда Патриарха в Донской монастырь шайка захватчиков расположилась в его покоях. Гражданская власть сняла печать с архивов в канцелярии и таким образом передала в их руки весь механизм церковного управления», — отмечал другой очевидец событий[152].

Образованное 19 мая 1922 г. ВЦУ возглавил заштатный епископ Антонин (Грановский), который, как видно из его переписки с митрополитом Сергием (Страгородским), не был сторонником радикальных обновленческих реформ. Он постоянно конфликтовал с «Живой церковью» и ее лидером В.Д. Красницким.

В субботу 20 мая означенная группа духовенства с епископом Антонином во главе приступила на Троицком подворье к текущей работе по управлению Церковью и по созыву Поместного собора[153].

Предложение занять должность в обновленческом ВЦУ было сделано управляющему канцелярией ВЦУ В.П. Гурьеву и епископу Илариону: «С такими же предложениями они обращались и к заключенным в тюрьме епископу Илариону и секретарю Высшего Церковного Управления В.В. Гурьеву, обещая немедленное освобождение и прекращение возбужденного против них судебного преследования»[154]. Оба они отказались от этого предложения.

23 мая 1922 г. в ГПУ поступила информация о том, что, по словам прот. Ильи Гумилевского, «...временным местоблюстителем патриаршего престола является по молчаливому соглашению Архиепископ Фаддей (Валаамское подворье), ввиду чего при богослужении ему оказывают особый почет»[155]. Напомним, что архиепископ Фаддей участвовал в заседаниях Синода в апреле — мае 1922 г., оказавшись единственным членом Синода на свободе. Этот статус, вероятно, и позволил его считать «временным местоблюстителем». Митрополит Вениамин, который был назван в документе, подписанном Патриархом 12 мая, резко отреагировал на попытку узурпации церковной власти клириками своей епархии, в частности А.И. Введенским, пользовавшимся покровительством своего митро-

---

[148] Цит. по: Патриарх Тихон в 1920–1923 годах... // ЖМП. 2007. № 11. С. 82.

[149] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 304.

[150] Патриарх Тихон в 1920–1923 годах... // ЖМП. 2007. № 11. С. 82.

[151] Троицкое подворье при Святейшем Патриархе Тихоне // Вестник ПСТГУ. Вып. II: 2 (19). 2006. С. 232.

[152] Патриарх Тихон в 1920–1923 годах... // ЖМП. 2007. № 11. С. 66.

[153] Там же. С. 82.

[154] Там же.

[155] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 306.

полита. 28 мая он выпустил послание, осуждавшее самочинное ВЦУ[156].

31 мая 1922 г. Е.А. Тучков подготовил проект постановления о домашнем аресте Патриарха, в котором говорилось: «Посему постановил избрать мерою пресечения уклонения от суда и следствия содержание под стражей на дому, о чем объявить последнему»[157]. Однако этот документ не дошел до Коллегии ГПУ, которая должна была утвердить это постановление. Обвинительных материалов против Патриарха практически не было, а репрессивные права ГПУ в первой половине 1922 г. были ограниченными.

Несмотря на то, что формально Патриарх не был под домашнем арестом, а только под подпиской о невыезде, ему было запрещено служить даже в Донском монастыре. 7 июня 1922 г. он обратился с такой просьбой[158], но, видимо, получил отказ. В этот же день своей рукой он пишет записку в ГПУ: «Ввиду сообщенного мне тов. Тучковым, что через Шведский Красный Крест прислано из-за границы в мое распоряжение несколько пудов муки, гарного масла и ладана, покорно прошу вышеупомянутую Администрацию Красного Креста направить муку в Самару на имя Епископа Павла (Гальковского), Управляющего Самарской епархиею, для раздачи голодающим, а масло и ладан передать в Высшее Церковное Управление (Троицкое Подворье, Самотека, 2-ой Троицкий пер., д. № 6)»[159]. Само по себе это не было признанием обновленческого ВЦУ, а лишь подчеркивало невмешательство Патриарха в церковную жизнь, тем более что по акту Патриарха 18 мая в Троицкое подворье должен был прибыть митрополит Агафангел, законный глава ВЦУ.

18 июня митрополит Агафангел как Местоблюститель выпустил послание с призывом не признавать обновленческое ВЦУ: «Возлюбленные о Господе Преосвященные Архипастыри! Лишенные на время высшего руководительства, вы управляйте теперь своими епархиями самостоятельно, сообразуясь с Писанием, церковными канонами и обычным церковным правом, по совести и архиерейской присяге, впредь до восстановления Высшей Церковной Власти. Окончательно вершите дела, по которым испрашивали прежде разрешения Св. Синода, а в сомнительных случаях обращайтесь к нашему смирению»[160].

Митрополит Агафангел согласно показаниям, данным на допросе 7 июля 1922 г., два переписанных от руки экземпляра этого послания передал для архиепископа Фаддея и протопресвитера Николая Любимова, который исполнял обязанности главы ВЦС, через священника Дороватовского, ехавшего в Москву[161]. Таким образом, в условиях невозможности осуществлять церковное управление Патриархом и его Местоблюстителем органы ВЦУ продолжали фактически существовать, будучи представлены: Синод — архиепископом Фаддеем, ВЦС — протопресвитером Н. Любимовым.

Обновленческое ВЦУ по указке ГПУ 6 июля 1922 г. издало постановление: «Архиепископа астраханского Фаддея (Успенского) уволить на покой, с воспрещением ему пребывания в Московской области»[162]. До этого момента обновленцы еще не приступили к увольнениям архиереев. Оставаясь на свободе, архиепископ Фаддей представлял опасность для всего плана захвата высшей церковной власти, так как был, хоть и тайно, утвержденным Патриархом Местоблюстителем. Архиепископу удалось отпечатать воззвание митр. Агафангела в типографии и организовать расклейку его экземпляров в Москве[163].

12 июля ГПУ провело в Москве серию обысков у духовенства, был арестован архиепископ Фад-

---

[156] См.: Санкт-Петербургская епархия в XX веке в свете архивных материалов: 1917–1941 / сост. Н.Ю. Черепнина, М.В. Шкаровский. СПб., 2000. С. 102–103.

[157] Следственное дело... С. 169.

[158] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 5. Л. 153.

[159] Там же. Л. 151; «Подвергнуть аресту и привлечь к судебной ответственности»; ВЧК–ГПУ и патриарх Тихон: 1917–1925 гг. / коммент., подгот. текста к публ. М.И. Одинцова // Исторический архив. 1997. № 5–6. С. 150.

[160] Акты Святейшего Тихона... С. 220.

[161] См.: Ради мира церковного... Кн. 2. С. 177–178.

[162] Живая церковь. 1922. № 6.

[163] См.: *Дамаскин* (*Орловский*), *иером.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия РПЦ XX века... Кн. 3. Тверь, 1999. С. 540.

дей (Успенский) и другие священнослужители[164], среди них был и прот. Николай Любимов.[165] Ожидая ареста, архиепископ Фаддей передал текст послания своему иподиакону Николаю Давыдову, который после ареста архиепископа Фаддея сжег его, а протопресвитер Николай Любимов хранил воззвание дома, где оно и было обнаружено при обыске в ночь с 11 на 12 июля 1922 г.[166]

Несмотря на то, что ничего подозрительного у архиепископа Фаддея найдено не было, он был арестован. Он обвинялся в том, что «...распространением нелегально изданных посланий митрополита Агафангела проявил враждебное отношение к советской власти»[167]. По данным иг. Дамаскина, архиепископ Фаддей участвовал также в составлении и распространении воззвания, составленного также митрополитами Агафангелом и Кириллом, которое было направлено против обновленцев[168]. В этом документе говорилось, что нельзя участвовать в Соборе, который созван не законною церковною властью (не Патриархом, не его Местоблюстителем)»[169]. Таким образом, митрополит Агафангел считался Местоблюстителем, возглавляющим Церковь на время изоляции Патриарха. В сентябре 1923 г. архиепископ Фаддей был выслан на один год в Зырянский край[170].

Митрополит Агафангел продолжал считать себя законным Местоблюстителем. Так, 3 августа 1922 г. в разговоре с епископом Иовом (Рогожиным) он подтвердил, что «остался на посту Патриарха Тихона»[171].

После оформления обновленческих течений власти необходимо было добиться осуждения Патриарха, тем самым навсегда устранив его влияние в среде верующих. Патриарх был подвергнут домашнему аресту. Патриарх был арестован 15 августа 1922 г.[172] Зампред ГПУ И.С. Уншлихт во исполнение решения Коллегии ГПУ от 16 ноября 1922 г. обратился в Президиум ВЦИКа о продлении срока содержания под стражей Патриарха Тихона[173]. В этом письме названа та же дата ареста: «15 августа с/г СО ГПУ был арестован домашним арестом за контрреволюционную деятельность с содержанием в Донском монастыре Беллавин Василий Иванович, патриарх Тихон»[174].

Однако в деле Патриарха есть постановление о домашнем аресте Патриарха, датированное 25 августа Е. Тучковым и с этой же датой подписанное Т.П. Самсоновым. Дата проставлена и Тучковым, и Самсоновым, так что ошибка маловероятна. В тексте говорилось: «...рассмотрев дело по обвинению гражданина Белавина Василия Ивановича, так называемого Патриарха Тихона, в ряде контрреволюционных преступлений и принимая во внимание постановление Московского Революционного Трибунала от 5-го мая 1922 года о привлечении его, Белавина, и других к судебной ответственности, постановил: мерою пресечения уклонения от следствия и суда избрать содержание под стражей на дому»[175]. Постановление было отчасти вызвано решением Смоленского трибунала от 24 августа о привлечении к суду Патриарха. В документы ноября 1922 г. вкралась опечатка: вместо 25 появилось 15 августа, ведь ни выписку из протокола заседания Коллегии ГПУ, ни письмо Уншлихта Е. Тучков, который знал точную дату, по должности не мог видеть.

---

[164] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 372. Л. 80–80об.

[165] *Дамаскин* (*Орловский*), *иером.* Указ. соч. Кн. 3. С. 540 (в издании прот. Николай ошибочно назван Димитрием).

[166] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 372. Л. 80а–80об.

[167] Цит. по: *Дамаскин* (*Орловский*), *иером.* Указ. соч. Кн. 3. С. 540.

[168] Это воззвание, составленное в форме вопросов и ответов, опубликовано иером. Дамаскином (Орловским) — см.: Мученики, исповедники и подвижники благочестия РПЦ XX века... Кн. 3. С. 618–619.

[169] Там же. С. 618.

[170] Там же. С. 540.

[171] См.: Ради мира церковного... Кн. 2. С. 183.

[172] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 313.

[173] Там же. Т. 6. Л. 56; «Подвергнуть аресту и привлечь к судебной ответственности»... // Исторический архив. 1997. № 5–6.

[174] Там же.

[175] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 4. Л. 310.

Незадолго до ареста Патриарха, 22 августа, был арестован митрополит Агафангел[176]. Он был доставлен в Москву и помещен во внутреннюю тюрьму ГПУ. 30 октября коллегия ГПУ передала дело митрополита Агафангела в Комиссию по административным высылкам. 29 ноября ему было объявлено решение комиссии о высылке в Нарымский край на три года. Несмотря на тяжелые болезни, значительную часть пути его гнали по этапу, на чем настаивал Е.А. Тучков[177].

С момента домашнего ареста Патриарха 25 августа 1922 г. начинается подготовка судебного процесса над ним. Уже 31 августа Тучков провел допрос Патриарха[178]. Каноническая церковная власть в Русской Церкви до конца июня 1923 г. прекратила свое существование.

© Сафонов Д.В., 2010

[176] См.: Ради мира церковного... Кн. 2. С. 201.

[177] Там же. С. 208–209.

[178] ЦА ФСБ. Д. Н-1780. Т. 29. Л. 89–93; Следственное дело... С. 178–180.